

25 апр. 1981

Алексей
Николаевич
Толстой

В доме литературного критика Иванова много говорили о возвращении из-за границы Алексея Николаевича Толстого. Зимой 1926—1927 года он просил своих друзей снять для него квартиру в Детском Селе. В этот тихий город у самого Ленинграда, где спокойно и хорошо работалось в окружении обширных «царско-сельских садов», влекло в те годы многих людей искусства.

Как-то, войдя в темноватую переднюю квартиры Ивановых, я ощутила необычную приподнятость настроения хозяев. В столовой, за обеденным столом под низко спущенным абажуром висели лампы, сидел веселый, приветливый человек. Сидел уютно, по-хозяйски. Таким и запомнился он мне на всю жизнь. Был он полным, с холерным лицом барина из старинных романов, с толстой темной оправой очков, каких у нас в Детском Селе еще не носили. Он был красив, со вкусом одет, но без какой-либо щеголеватости. Казалось, все внешнее было для него между прочим, а основным — та мысль, которой он был увлечен в данное время. А увлечен он был всегда и всегда уходил в это увлечение без остатка, требуя от окружающих, чтобы и они заразились тем, что так его переполняло.

В эту первую встречу он был оживлен и целый вечер рассказывал нам о купцах — родственниках К. С. Станиславского. Один рассказ смеялся другим, и не только я, шестнадцатилетняя девочка, но и остальные слушатели боялись шелохнуться и пропустить хотя бы слово. Помоему за всю мою жизнь я не смеялась столько, как в тот вечер. Надо сказать, что Алексей Николаевич был на редкость талантливым рассказчиком. Пробуя свои силы как драматург, он еще до революции часто играл в своих пьесах, и ему более, чем кому-либо, необходимо было общение с аудиторией.

Вскоре большая семья Толстых переехала в Детское Село на Московскую улицу и

заняла весь второй этаж прекрасного каменного дома. Владелец его (наименее, как говорили тогда) жил внизу.

Обычно я встречала Алексея Николаевича, его жену Наталию Васильевну и дочь

перестала писать, вышла замуж за А. Н. Толстого. Она внесла свой талант в талант мужа и как бы растворилась в нем. Зато Толстой именно в этот период жизни стал создавать непревзойденные

встречи с писателем в период его работы над романом «Петр I». Много вечеров, главу за главой, читал он роман Шишковым, сидя за круглым столом, отодвинув стакан с недопитым чаем. Читая, менял

как-то надменно отказался бицировать. Неприятное впечатление быстро рассеялось, как только на маленькой сцене появился ласковый и внимательный к аудитории В. Я. Шишков. Он читал главу из

много, а места мало. Им так же, как и Петровым - Водкиным, накрыли отдельно, в уголке, и они улыбаясь наблюдали за молодежкой. Уходя, Алексей Николаевич долго укорял моего отца за несоблюдение многих старорусских свадебных обычаев, примеры которых он приводил из рукописей, нужных ему для романа «Петр I».

Гуляя с ребенком в парках Детского Села, я часто встречала Наталию Васильевну. Она неизменно спешила ко мне, наклонялась над коляской и расспрашивала о мелочах жизни. И я видела, что это не простая вежливость.

Потом в этой семье произошла катастрофа — семья распалась. Алексей Николаевич переехал в Москву, а Наталия Васильевна с детьми — в Ленинград. Радужный дом на Пролетарской улице опустел. Позднее здесь разместился Дом творчества писателей.

В сороковых годах поэтесса Н. В. Крандиевская - Толстая снова начала печататься. Теперь сборники ее стихов — библиографическая редкость. Оставаясь в годы войны в блокадном Ленинграде, она создала целый цикл стихов, посвященный тяжелой зиме 1941—1942 года. В одном из них на настоятельное предложение выехать из города она пишет:

Я не покину город мой,
Венчанный трауром и славой.
Где каждый камень мостовой
Свидетель жизни величавой.*

Последний раз я видела Наталию Васильевну Толстую в 1945 году у гроба Алексея Николаевича. Долго стояли мы с Клавдией Михайловной Шишковой в очереди у Колонного зала. Наконец подошла к гробу. Было много цветов, тихо играла музыка, кто-то стоял в почетном карауле, а недалеко от изголовья, в меховой шубке, по-простому, по-бабьи повязанная шерстяным платком (было очень холодно), вся измученная, исплаканная сидела Наталия Васильевна. Она неотрывно смотрела на человека, которого любила всей душой, в которого перешла частица ее незаурядного таланта.

* Стихи Н. В. Крандиевской даны по юбилейному сборнику «Победа», Лениздат, 1970 г.

ВСТРЕЧИ В ДЕТСКОМ СЕЛЕ

Юность и молодые годы Наталии Григорьевны Завалишиной прошли в Детском Селе под Ленинградом, ныне городе Пушкине, где жили и работали в то время многие известные писатели, художники, композиторы. С некоторыми из них Наталия Григорьевна встречалась. Замечательный русский художник К. С. Петров-Водкин запечатлел юную Наташу Завалишину в своей картине «Девушка у окна», которая находится сейчас в Русском музее Ленинграда. Воспоминания Н. Г. Завалишиной об известном писателе В. Я. Шишкове, с женой которого была дружна, уже печатались в «Тагильском рабочем» в 1979 году, они выш-

ли также в «Воспоминаниях о В. Шишкове», выпущенных в том же году отдельной книгой издательством «Советский писатель».

Н. Г. Завалишина живет в нашем городе, сейчас она на пенсии. Долгое время работала преподавателем английского языка в горно-металлургическом техникуме. Занимается литературной работой.

Сегодня мы начинаем публиковать ее воспоминания, которые она подготовила специально для нашей газеты.

Марианну во время литературных чтений или уютных вечерних чаепитий у Шишковых, Ивановых, реже у Петровых-Водкиных. Наталия Васильевна была для меня и осталась эталоном обаятельной женщины. Чуть располневшая, всегда изычно, неброско одетая и тщательно причесанная, она притягивала к себе внимание и, где бы ни появлялась, становилась центром интересного разговора. У нее было удивительной красоты серые, какие-то мерцающие глаза. Узнав позднее из статьи Дмитрия Алексеевича Толстого о том, что мать его в конце жизни ослепла, я была потрясена...

Наталия Васильевна Толстая была не просто женой знаменитого писателя. Поэтессе Крандиевскую хорошо знали в те годы, когда начинали свое творчество Александр Блок и Анна Ахматова. Незадолго до выпускного вечера дирекция пятой школы им. А. И. Герцена, которую я окончила в 1928 году, организовала для преподавателей и выпускников лекцию профессора Г. А. Гуковского. Он рассказывал о поэзии начала XX века — тема, не входившая в школьную программу. Именно тогда я узнала о творчестве прелестной Наталии Васильевны. Эта необыкновенно талантливая поэтесса, говорил дектор, совершенно

произведения. О ней и ее сестре писал он в романе «Хождение по мукам».

Наталия Васильевна была не только вдумчивым воспитателем своих детей: Марианны (дочери Алексея Николаевича), Фефы Волкенштейна (ее сына от первого брака) и общих с писателем сыновей — Никиты и Мити. Она не только умела с шиком принять самых именитых гостей и сопровождать мужа на ответственные приемы, она была другом и первым советником Алексея Николаевича.

У них на Московской улице я была трижды: на чтениях Н. Клюева и В. Я. Шишкова (громкие чинки авторами своих произведений, так распространенные в то время) и однажды просто в гостях, вместе с Шишковыми. На этот раз я уже меньше стеснялась. Были общие разговоры с Марианной, так же, как и я, готовившейся к поступлению в институт. В комнатах — музейная мебель. Картины, перед которыми долго хотелось стоять. После чая устраивались танцы, что в те годы не практиковалось у литераторов - детское село. Алексей Николаевич танцевал с таким увлечением, с такой радостью, точно это именно и было делом его жизни. Разговорчивый, весь под впечатлением танцев, он шумно провожал нас в переднюю и еще долго что-то кричал вслед.

Наиболее интересны были

голос, смеялся, ужасался. Он был увлечен жизнью своих героев.

Мой отец, работавший в то время заведующим русским отделением библиотеки Академии наук в Ленинграде, сам историк, высоко ценил роман Толстого и живо реагировал на все, связанное с созданием романа о Петре I. Он постоянно выполнял поручения Алексея Николаевича и приезжал в Детское Село, нагруженный старинными книгами и альбомами для него. Поэтому, когда в 30-х годах начало выходить полное собрание сочинений Толстого, писатель дарил нашей семье каждый новый том с надписью то одному, то другому ее члену. Несколько полок в нашем книжном шкафу занимали книги с автографами Толстого, Петрова - Водкина, Шишкова, Клюева и др. К сожалению, все это погибло за время оккупации города Пушкина фашистскими войсками.

В 1929 году, уже после окончания школы, я снова была в ней на одном из вечеров чтений. Первым выступал также живший в Детском Селе, обожаемый ленинградцами баритон В. Р. Сливинский. На оперу с его участием редко можно было достать билеты. Его появления ждали, затаив дыхание, и каково же было разочарование зала, когда, спев одну вещь, он категорически и

своей прекрасной повести «Странники». Затем выступил Толстой. Как и Шишков, он никогда не отказывался от встреч с жителями города, где им так хорошо работалось. Они часто бывали в школах, санаториях, домах отдыха.

Алексей Николаевич прочел повесть «Детство Никиты». Делал это с наслаждением, сочно выговаривая слова, удобно усевшись за маленьким столиком. Так и чувствовалось, что он не уйдет, пока не прочтет всей малой повести, пока не переживет вместе с нами дорожки событий детства. Много раз впоследствии я перечитывала то место в повести, где девочка нудно тянет свое «неправдока», и никак не могла понять, почему тогда это было так смешно, что весь зал хохотал, и сам Алексей Николаевич, улыбаясь, приостанавливался и переживал реакцию слушателей.

Позднее Толстые переехали в просторный деревянный особняк, где в мезонине помещался знаменитый кабинет писателя. Дом был со всех сторон окружен садом с массой деревьев и лужаек. Проходя мимо, детское село с интересом смотрели, как гуляет писатель, бегают и играют повзрослевшие дети.

У нас в доме Толстые были последний раз в 1932 году на моей свадьбе. Гостей было